

ей, помогает пострадавшим и успокаивает оказавшихся под завалами юных немцев рассказом о том, что у него было пять отцов, однако все погибли.

Эта эффектная концепция «пятиотцовщины» по мере ее сюжетного развития создает некую двусмысленность: может показаться, что героиня (Мария Смольникова) полюбила всех пятерых бойцов, защищающих ее опустевшее и полуразрушенное жилище, и потому у нее не было уверенности, кто именно является отцом ее ребенка, — но эту циничную версию стоит сразу отмести, поскольку речь идет

о коллективном отцовстве в возвышенном, чистом, человеческом смысле слова. Один биологический отец у рассказчика все-таки имеется, и играет его сын режиссера Сергей Бондарчук, — таким образом старший и младший Бондарчуки в драматургии фильма как бы меняются местами, и кажется, эта завуалированная шутка стала основной мотивацией для девушки, которая могла бы выбрать из пятерых защитников кого-нибудь и поинтересней. Скажем, их решительного командира (Петр Федоров), или знаменитого в Сталинграде тенора (Алексей Барабаш), чьей поклонницей героиня была до войны, или уже опытного бойца (Андрей Смоляков), который в минуту откровенности ей первой и единственной рассказывает о гибели своей семьи. Немного амбивалентности в эту героическую компанию добавляет один противный стрелок (Дмитрий Лысенков), который все время пошло шутит: так, когда на очень кстати случающийся день рождения девушки мужчины решают подарить ей ванну с горячей водой, он вздыхает: «Голая баба рядом, а посмотреть нельзя».

Зато на «голую бабу» прекрасно можно полюбоваться с немецкой стороны: фашистский офицер (Томас Кречман), которому приказано отбить обратно проклятый дом, захаживает к русской блондинке Маше (Янина Студилина), похожей на его покойную жену. Маша действительно красива арийской нордической красотой, особенно когда обнаженная лежит на кровати лицом вниз, свесив золотые кудри. Поначалу она просто покоряется захватчику, но постепенно между ними возникает что-то вроде человеческих отношений, хотя они и не понимают языка друг друга. «Liebe, Liebe», — толкует девушка немец. «Ага, либо, либо», — грустно отвечает девушка, — либо ваши меня к стенке поставят, либо наши».

Кроме целых двух, одинаково драматических и обреченных, любовных линий, в «Сталинграде» имеется все, что публика вправе ожидать от дорогого, технически прогрессивного военного блокбастера, ориентирующегося на самые кассовые зарубежные аналоги: вполне внятные рукопашные схватки, взрывы, горящие заживо люди, танковые атаки, замедленный пролет снаряда, пробивающего стену, падающий как будто прямо на тебя бомбардировщик, а особо трогательное воспоминание оставляет известный по кадрам хроники фонтан «Детский хоровод», который водят под бомбами несколько облупленных и обезглавленных гипсовых пионеров. Но если с материальной частью художники постарались, то в облике защитников Сталинграда наблюдается та же небольшая проблема, что и в «9 роте»: их лица покрыты толстым слоем копоти, однако из-под нее сверкают как будто только что отбеленные зубы. Это, впрочем, мелочь на фоне общего великолепия «Сталинграда», напоминающего речь художника-снайпера Джоконды из «9 роты» о том, что танки и вообще оружие — это самое красивое, что человечество создало за всю свою историю, да и сама война эстетически безупречна: красота — это когда нет ничего лишнего, а на войне только жизнь и смерть. В «Сталинграде» Федор Бондарчук добавляет в этот расклад еще и любовь, дополнительно увязывая все эти три компонента с помощью композиции Виктора Цоя «Легенда», пущенной на финальных титрах внезапно в меланхоличном исполнении Земфиры — ее меньше всего ожидаешь встретить в этом произведении, главным достоинством которого является никак не тонкость и нервность, а, наоборот, самоуверенность и оглушительный натиск.

В прокате с 10 октября

Это просто: я актер немецкого происхождения, который живет и работает в Голливуде. Логично, что меня часто приглашают сниматься в фильмах о Второй мировой войне. Но на самом деле я далеко не всегда играю нацистов. В фильме «Пианист» мой герой — не нацист. Но после премьеры один немецкий режиссер сказал, что своей ролью я реабилитировал нацию. Не знаю, как к этому относиться, если честно...

В «Сталинграде» мой герой — не нацистский изверг, а живой человек, и это для меня важно.

Вы уже 20 лет снимаетесь в исторических фильмах о Второй мировой войне. Как вы думаете, что за эти годы изменилось в осознании обществом этой войны?

Для меня лично ничего не изменилось. А для Германии... не знаю. Я живу в Лос-Анджелесе и не очень люблю Германию. У меня с ней такие отношения, знаете, любовь-ненависть.

Я знаю, что вы бежали из Восточной Германии в юном возрасте. Можете рассказать о своем побеге?

Я не очень люблю говорить об этом. Я рассказал эту историю Федору, и он один из 10 людей на

свете, которые знают ее от начала до конца. Могу сказать, что я бежал из ГДР не потому, что хотел жить где-то в другом месте. Я бежал не к — я бежал от. Меня бесило, что правительство идиотов решает за меня, как я должен жить.

У вас есть ностальгия по родине?

Нет. Я же бежал, так чего мне скучать? Я принял окончательное решение 30 лет назад — и не пожалел об этом ни разу.

Вы могли умереть при побеге?

Да. Но я старался минимизировать риски. Поэтому бежал из Венгрии в Югославию. Если бы я пересекал немецкую границу, то мог бы подорваться на mine. А так меня могли бы всего лишь застрелить. И попросить перед этим вернуться. Это намного лучше, чем наступить на мину.

Наверное, в детстве вы смотрели советское кино?

Да, в Восточной Германии оно было очень популярно. Я, правда, сейчас плохо помню названия и имена, но какие-то кадры и сцены до сих пор стоят перед глазами. Например, один фильм, возможно, мой любимый русский фильм, — это картина Сергея Бондарчука, он как-то назывался... Человек, судьба...

«Судьба человека?»

Да. Да, я помню кадры оттуда.

Лица помню, березы...

Вам поступают предложения от современных немецких режиссеров?

Иногда. Не часто.

Вам нравится современное немецкое кино?

Совсем не все.

Вим Вендерс?

Нет. Мне он кажется скучным.

Кристиан Петцольд?

Он же что-то для телевидения снимает, да?

Он в прошлом году получил приз за лучшую режиссуру в Берлине. Забавно, что я Вам рассказываю о немецком кино!

Да уж.

Кажется, вы не очень-то жалуете артхаусные фильмы?

Да, я их не люблю. Я понимаю искусство живописи, искусство фотографии. А кино для меня — это эмоции. Если фильм меня не задевает эмоционально, то каким бы правильным он ни был, с ним явно что-то не так. И роли я выбираю по тому же принципу.

Иногда, правда, у меня не происходит этого эмоционального взрыва, но, читая сценарий, я понимаю, что было бы глупо не

сняться в этом фильме. И вот в таких случаях всегда происходит катастрофа. Со сценарием «Сталинграда» этот эмоциональный взрыв произошел.

То, что фильм снимается в 3D, как-то корректирует вашу актерскую задачу?

Нет, нисколько. Единственная разница — съемки в 3D занимают больше времени, это технологически сложный процесс. Вообще, хороших фильмов, снятых в 3D, очень мало. Я недавно снимался в фильме «Дракула 3D» Дарио Ардженто — и это просто огромное разочарование. Итальянцы совершенно не умеют использовать 3D. Они слишком много уделяют ему внимания, пытаются как-то удивить зрителя. Актерская игра очень слабая, моя в том числе. Режиссерские приемы очень глупые. В «Сталинграде» все иначе, здесь технология используется не ради технологии, никто не загоняет себя в рамки аттракциона, история — на первом месте. А 3D нужно затем, чтобы погрузить зрителя в эту историю как можно глубже, сделать его свидетелем исторических событий. Посмотрим, насколько это получилось — но задача стояла именно такая.